

Имя автора конкурсной подборки будет оглашено Оргкомитетом в Итоговом протоколе конкурса - 6 июня 2019 года.

Homunkulus

Homunkulus

Всё, с каждым утром все меньше лгу.
Именно так наступает старость.
Лик Ахелоя прилип к стеклу.
Фундаментально. На нем усталость.

По коридору какой-то зверь
рыщет впотьмах, шевеля усами.
Да заходи же, открыта дверь!
кто не пришел, тот остался с нами.

Воспоминанья берут разбег.
Пчелка корпит над горшком с алоэ.
Значит, расцвел?.. Первый раз за век.

Радует время. Теперь – любое.

Не о чем боле уже мечтать,
веки смежа в конопатом кресле.
Кто во дворе мог тебя узнать –
не узнаёт. Все они исчезли.

Встал обесточенный механизм,
силы отдав целиком апрелю.
Странное дело... ведь это жизнь
температурит, а я – болею.

Тянешь сквозь день за собой (куда?)
тень. Упирается эта цаца,
но уступает... не без труда,
весь занимая объем матраца.

Некого ждать. Беспричинный страх
лезет в тоннель ледяного горла.
Глаз продираешь, а на часах –
нет ничего. Даже цифры стерла

стрелка. Пожизненный приговор,
– сны выжигая, – выносит совесть,
точно разгневанный кредитор
вслух о долгах размышляя. Повесть

с тем и закончится, «... если бы...»
(если б слова подлежали стирке!).
Ошеломляет итог борьбы:
не человек – труха в пробирке.

Вянет покинутый организм,
требуя правды, и только ею
сможет насытиться. Это жизнь
меняет кожу, а я – ливрею.

Вид из зеркала

Глядя в промокшее зеркало, сросшееся с пустотой,
шевели бровями, царапая щетиной
лезвие, внимания на порез
не обращай. «Ну и как я туда пролез?»

может привидеться. Мужчина похож не на

строптивного миротворца без шрамов, если бы ни жена;
да и в чем укорить-то отринутого от пирога?
Удивляйся теперь, коль и викинг носил рога.

Держи в поле зрения руку, в особенности не торопись
прикоснуться к роялю, к кинжалу, к бритве, при слове «жизнь»
она выглядит много короче, чем кажется... цифр рать...
если женщина с тем и создана, с целью пофлиртовать!

переосмыслить, наполнить смыслом что-то, – мартышкин труд;
вдруг посмеешь прийти с любовью, семь шкур сдерут...
от укуса, от райского яблока все, все ушло в росток,
сбережет кто семью, традиции, да и то Восток.

Время все время куда-то движется, что караван недель,
память стирает на фресках краску оплатой за канитель,
славные были годы, омуты, плавали судаки...
на бурдюк обменяли, на сейфы, на сундуки.

Там мертвым грузом осевшим мертвые имена.
Вот и ветер ворует на землю не брошенные семена.
Нос подточить втихомолку всю ночь норовит комар,
глядя до рези в солнца начищенный самовар.

Время проносится мимо, что сдавленный гул свинца,
время сжимает кожу, но не черты лица...
Лихо коней подгоняют копеечные бунтари
с единственной целью, разнюхать, «что там у тебя внутри?»

Новые отраженья приходят; избавиться от старья...
кто мое место займет, если в нем есть лишь только я?
Даже портретное сходство не фактом того, что жил,
равносильно тому, что и видел, а не согрешил.

Выскочил летней лейкой водопроводный кран,
все не поделят сушу берег и океан...
Мнет под собою пастбище стадо, – толпа зевак, –
соединяя окрестность в округлый товарный знак.

Нет, не догонят сбежавшего, – счастье озорника, –
да и куда ты денешься в образе двойника?
не по пустыням идти же, не прятаться по городам,
чтоб оказаться тут же в светском обществе падших дам.

Зло остается злом, как и всякое зло, напасть,
грязь остается грязью, а потому украсть

не получается, нечего, будто бы в бездну штрек...
может быть, все образуется, что позапрошлый век?

где сверчкам по ранжиру стоять, взгромоздясь на свои шесты,
время настало сжигать за собой мосты...
неблагозвучное время, режущий слух дизел.
Смотришь тупо в стекло – «ну и как я туда пролез!?»

Официально, а, может быть, и тайком,
только надо держаться от стада подальше, обиняком
говорить много проще сейчас, перейдя на античный зык;
что, Эзоп понапрасну оттачивал свой язык?

Каждый ищет кого-то, чего-то, себя, – не находит нигде, –
т. к. слово «судьба» еще пишется – вилами по воде, –
глянь в строение вещи, не каинова ли печать?
Потому и охота заново все начать.

Menuet

Я шел, слова заветные бубня,
не замечая туч...
восторг небесных труб пронизывал меня
как будто чей-то луч.

Я путь пройти, наверное, мог зря,
и повернуть назад...
когда б ни долгожданная заря,
сусальный ее взгляд.

Мне брызги танцевали менуэт,
мне тени пели гимн...
и жалобно кричали мне вослед:
«Вернись, наш господин!»,

цепляясь за оборки сюртука;
я выхватил кинжал...
их резала и резала рука,
я в темноту бежал.

Нет разницы, где обрести покой,
и где кормить червей...
Там серп луны высокой и сухой
как вечный брадобрей,

Конкурсная подборка 245. "Homunkulus";

Автор: Оргкомитет
13.04.2019 10:00

чернильным благочестием маня,
страх в капле дождевой...
Но кто-то ведь придет встречать меня
в одежде золотой!?

Небесный ангел рядом пролетал,
пытаясь мне помочь...
Я слышал день, он пел и танцевал,
а это была ночь.

